

В. И. КАРДАШОВ

ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вторая мировая война, продолжавшаяся шесть лет, не имела себе подобных в истории человеческого общества. Вовлечение в борьбу многомиллионных народных масс, никогда ранее не участвовавших столь активно в военных действиях, явилось одной из ее закономерных особенностей, определяемых характером нашей эпохи. Эта особенность современной войны проявилась, с одной стороны, в развертывании многомиллионных армий воюющих держав, а с другой стороны, в вовлечении в борьбу с захватчиками гражданского населения оккупированных стран.

В годы второй мировой войны в Европе зародилось и разрослось невиданное до тех пор массовое народное движение — движение Сопротивления против немецко-фашистских захватчиков. От фьордов Норвегии до греческих островов в Средиземном море, от Пиренеев на западе до предгорий Кавказа на востоке население оккупированных немецко-фашистскими войсками стран на протяжении ряда лет вело упорную борьбу за свободу и независимость своей родины, выражавшуюся в самых различных формах — от пассивного сопротивления до вооруженного восстания.

Движение Сопротивления внесло серьезный вклад в победоносную борьбу армий Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании с военной машиной фашистской Германии. Партизаны и подпольщики Югославии, Польши, Франции, Италии, Чехословакии и других стран сумели причинить оккупантам значительный ущерб как в технике, так и в людях. Но особенно грозным для захватчиков явилось сопротивление народа оккупированных районов Советского Союза: именно здесь в борьбу вступили огромные массы населения, именно здесь пожаром партизанской войны были охвачены обширные области, равные по площади некоторым западноевропейским государствам, именно на территории нашей страны фашисты несли особенно большие потери в людях и технике.

Естественно, что такое важное и яркое явление, как европейское движение Сопротивления, породило после окончания второй мировой войны огромную литературу. В послевоенное время за рубежом появилось, в частности, большое число работ о партизанском движении в оккупированных немецко-фашистскими войсками областях Советского Союза. Буржуазных историков интересуют в основном причины зарождения партизанской войны, характер ее и эффективность, участие народных масс в военных действиях, отношение населения к партизанам. Иногда суждения различных авторов по тем или иным вопросам резко противоположны, но при всем разнообразии мнений можно проследить в оценках и характеристике советского партизанского движения общие тенденции.

Среди работ буржуазных авторов, освещающих партизанское движение в Советском Союзе, в первую очередь следует назвать те, в которых это движение является основным или даже единственным предметом рассмотрения.¹ Особенно обстоятелен и обширен вышедший в 1964 г. в Америке коллективный труд «Советские партизаны во второй мировой войне» под редакцией Джона Армстронга.² Далее необходимо отметить работы авторов, пишущих в основном на английском языке, посвященные фашистской оккупационной политике или истории отдельных областей нашей страны в годы Великой Отечественной войны, где уделяется значительное место партизанам, их борьбе с немецкими оккупантами, а также с украинскими и белорусскими националистами.³

Много внимания уделяется боевым действиям советских партизан и их влиянию на исход войны в общих трудах по истории второй мировой войны, а также в мемуарах бывших гитлеровских генералов.⁴

¹ C. Dixon and O. Heilbrunn. Communist guerilla warfare. London, 1954; O. Heilbrunn. 1) The Soviet secret services. N. Y., 1956; 2) Partisan warfare. London, 1962; E. M. Howell. The Soviet partisan movement, 1941—1944. Washington, 1956; Д. Каров. Партизанское движение в СССР. Мюнхен, 1954; Modern guerilla warfare. Fighting communist guerilla movements. 1941—1961. Ed. by F. M. Osanka. N. Y., 1962; V. Redelis. Partisanenkrieg. Heidelberg, 1958; H. Rentsch. Partisanenkampf. Erfahrungen und Lehren. Frankfurt am/M., 1961.

² Soviet partisans in world war II. Ed. by J. Armstrong. Madison, 1964.

³ J. Armstrong. Ukrainian nationalism. N. Y., 1963; A. Dalin. 1) German rule in Russia. 1941—1945. London, 1957; 2) Odessa. 1941—1944. Santa Monica, California, 1957; G. Fischer. Soviet opposition to Stalin. Cambridge, 1952; В. Илмицкыи. Deutschland und die Ukraine. 1934—1945. Bd. 1, 2. München, 1958; I. Kamenetsky. Hitler's occupation of Ukraine. 1941—1944. Milwaukee, 1956; G. Reitlinger. The house built on sand. 1939—1945. London, 1960; N. Vakar. Belorussia. The Making of a Nation. Cambridge, Mass., 1956.

⁴ W. Anders. Hitler's defeat in Russia. Chicago, 1953; Bilanz des Zweiten Weltkrieges. Hamburg, 1953; L. M. Chassin. Histoire militaire de la seconde guerre mondiale. Paris, 1947; H. Dahms. Der Zweite Weltkrieg. Tübingen, 1960; Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten,

Статьи о советском партизанском движении появляются и в журналах, например, в «Веркунде» и «Вервиссеишафтлихе рундишау»⁵ — органах западногерманской военици, французском журнале «Обозрение истории второй мировой войны».⁶ Позицию последнего из названных журналов характеризует гораздо более доброжелательное отношение к движению Сопротивления вообще и к советскому партизанскому движению в частности по сравнению с позицией большинства англо-американских и западногерманских журналов и сборников, помещающих статьи по этой теме. Весь июльский номер «Обозрения» за 1961 г. заполнен материалами Великой Отечественной войны советского народа; среди статей других советских авторов здесь опубликована статья украинского историка Л. Е. Кизи о войне на Украине, в значительной степени посвященная украинскому партизанскому движению.⁷

В работах буржуазных авторов основное внимание уделяется наиболее важным и острым вопросам истории партизанского движения в СССР, таким, как причины его возникновения, размах и эффективность партизанской войны, отношение населения к партизанам и оккупантам. Большое место в этих работах отводится также обоснованию тезиса о «незаконности» партизанской войны. Особый интерес буржуазные исследователи проявляют к попыткам фашистского командования создать антисоветские формирования из советских военнопленных и жителей оккупированных районов для борьбы с партизанами. Настоящая статья

Bd. 1—3. München, 1963; J. Fuller. The Second world war. London, 1948; Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Bd. I. Bonn, 1956; W. G ö r l i t z. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 1—2. Stuttgart, 1951—1952; H. G u d e r i a n. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951; A. G u i l l a u m e. Pourquoi l'Armée Rouge a vaincu. Paris, 1947; H. J a c o b s e n. 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Documenten. Darmstadt, 1961; E. M a n s t e i n. Verlorene Siege. Bonn, 1955; E. M i d d e l d o r f. Taktik in Russlandfeldzug. Dortmund, 1956; J. P e r r é. Les Mutations de la guerre moderne. Paris, 1962; H. T e s k e. Die silbernen Spiegel. Heidelberg, 1952; The Soviet Army, ed. by Liddell Hart. London, 1957; K. T i p p e l s k i r c h. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Bonn, 1954; Weltkrieg. 1939—1945. Stuttgart, 1957; A. W e r t h. Russia at war. London, 1964.

⁵ H. G o t t b e r g. Das Wesen des Sowjetischen Partisanenkampfes. Wehrkunde, 1958, № 12, SS. 689—694; H. S c h e m m e l. Einsatzgrundsätze für den Kampf gegen Partisanen. Wehrkunde, 1959, № 8, SS. 421—425; J. S c h r e i b e r. Partisanen, Widerstandskämpfer, Saboteure. Wehrkunde, 1961, № 10, SS. 538—541. H. T e s k e. Über die deutsche Kampfführung gegen russische Partisanen. Там же, 1964, ноябрь, стр. 662—675.

⁶ A. S c h e r e r. Occupation de l'URSS. Rev. hist. deuxième guerre mondiale, 1959, oct., № 36, pp. 121—124; M. A d l e r - B r e s s e. Témoignages allemands sur la guerre des partisans. Rev. hist. deuxième guerre mondiale, 1964, Janv., № 53, pp. 51—60.

⁷ L. K i z i a. La guerre en Ukraine. Rev. hist. deuxième guerre mondiale, 1961, juil., № 43, pp. 21—33.

имеет своей целью критическое рассмотрение приемов и методов изучения советского партизанского движения в буржуазной историографии.

Из простого перечня работ западных авторов о партизанском движении советских людей в годы Великой Отечественной войны следует, что этот вопрос привлекает их пристальное внимание на протяжении более полутора десятков лет. Столь устойчивый интерес буржуазных историков и военных к партизанскому движению в значительной мере объясняется практическими целями: изучение методов и форм борьбы советских партизан в 1941—1944 гг. может пригодиться для подавления национально-освободительных движений в колониях или полуколониях, а также в случае возможной войны с СССР. «Если мы не подготовим себя в психологическом и организационном отношении к борьбе против партизан, мы можем в будущем совершить те же ошибки, за которые так дорого заплатили немцы», — пишут в своей книге Ч. Диксон и О. Гейльбрунн,⁸ а С. Хаггингтон в предисловии к книге «Современные партизанские действия» заявляет, что в будущем Соединенные Штаты могут оказаться вынужденными действовать в таких районах, где они не смогут более применить превосходящую военную силу, и необходимо подготовиться к партизанской войне, хотя это и плохая перспектива.⁹

Руководствуясь сугубо практическими целями, Ч. Диксон и О. Гейльбрунн значительную часть своей книги отводят рассмотрению действий немецко-фашистских войск против партизан и помещают в конце ее немецкое наставление по борьбе с ними. Х. Ренч в своей книге посвящает несколько глав теории и тактике борьбы с партизанами; немало места уделяет этому же вопросу и В. Ределис, а в новейшей и самой обстоятельной работе о советских партизанах под редакцией Дж. Армстронга мы находим детальные описания операций немецко-фашистских войск против партизан, рассматриваемые как образец для подражания.

При изучении работ западногерманских авторов, многие из которых сражались в рядах фашистского вермахта и имели возможность близко познакомиться с активностью партизан, бросается в глаза стремление не только обобщить и осмыслить опыт войны, но и реабилитировать гитлеровские вооруженные силы, отменить справедливые обвинения в чудовищных зверствах, совершенных гитлеровскими войсками на нашей земле. Первым и основным средством, к которому прибегают буржуазные историки, является утверждение, что партизанская война «незаконна»,

⁸ Ч. Диксон, О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия. М., 1957, стр. 152.

⁹ Modern guerilla warfare, p. XXII.

что она противоречит международным обычаям ведения войны. При этом они не стесняются ссылаться на положения Гаагской конвенции 1907 г., хотя именно в ней закреплено право народов на сопротивление агрессору. Извращая истинное положение вещей, буржуазные исследователи заявляют, что партизаны не соблюдали законы и обычаи войны, а потому они становились людьми «вне закона», против которых позволено все. Так, генерал-полковник бывшего гитлеровского вермахта Лотар Рендулич утверждает, что «борьба партизан противоречила нормам международного права»,¹⁰ Юрген Шрайбер, автор статьи в журнале «Веркунде», посвященной правовому положению партизан, приходит к выводу, что, поскольку партизаны не соблюдали правил ведения войны, их нельзя было считать ее законными участниками.¹¹ Такого же взгляда придерживается О. Гейльбрунн: с точки зрения правовых норм все партизаны второй мировой войны не подлежали защите международных конвенций, и оккупационные власти имели право делать с ними все, что угодно.¹²

Соображения буржуазных историков о «незаконности» партизанского движения, о его противоречии международным конвенциям необходимы для оправдания чудовищных репрессий, применявшихся гитлеровскими оккупационными войсками против мирного населения захваченных территорий, подозреваемого нацистами в помощи или просто в сочувствии партизанам.

Именно потому, что гитлеровские войска оказались не в состоянии справиться с народным сопротивлением в оккупированных странах, фашистская пропаганда в период второй мировой войны настаивала на незаконности партизанского способа ведения военных действий. Между тем партизанская война не является чем-то совершенно новым, необычным в истории, ее многократно применяли в освободительных и революционных войнах различные народы, в том числе весьма успешно — и сами немцы в эпоху наполеоновских войн, когда регулярная армия Пруссии была разгромлена и территория ее оказалась оккупированной французскими войсками.

Весьма характерно, что гитлеровские военные руководители не считали методы партизанской войны «незаконными» в том случае, когда они сами применяли их. Широко известны многочисленные акты саботажа, диверсий, заброса диверсионных групп, попытки создания «пятой колонны» в тылу противника, к которым прибегали немецко-фашистские войска перед вторжением в различные страны Европы. Хорошо известно также, что перед нападением на Советский Союз германским командованием были

¹⁰ Лотар Рендулич. Партизанская война. В кн.: Итоги второй мировой войны. М., 1957, стр. 137.

¹¹ J. Schreiber. Partisanen, Widerstandskämpfer, Saboteure, S. 539.

¹² O. Heilbrunn. Partisan warfare, London, 1962, p. 143.

созданы специальные группы для диверсий в тылу Красной Армии и даже был организован специальный полк «Бранденбург-800», состоявший из немцев, хорошо владевших русским языком и использовавших красноармейскую форму и гражданскую одежду. Задачей этого полка являлся захват и удержание до подхода немецких войск наиболее важных объектов — мостов, тоннелей, оборонных предприятий.

Не отказывались от методов партизанской войны гитлеровцы и в дальнейшем ходе войны на территории СССР. Так, в 1942 г. около 200 фашистских диверсантов было заброшено в тыл наших войск с целью провести диверсии на железнодорожном участке Бологое—Старая Русса, Бологое—Торопец. В 1942 г. на Северном Кавказе группа диверсантов из полка «Бранденбург-800» в форме красноармейцев сумела взорвать мост у Минеральных вод, а другая — захватила мост у Пятигорска.¹³ Фашистским руководителям не удалось сколько-нибудь успешно развить партизанские действия в тылу Красной Армии, для этого им не хватало самого главного: не на кого было опереться при проведении подобных операций, так как успешная партизанская война возможна лишь при поддержке местного населения.

Объявив партизанскую войну незаконной, а партизан и поддерживавшее их население — подлежащими суровым репрессиям, западногерманские исследователи партизанской войны идут дальше, обвиняя партизан в том, что они были виновниками тех жестокоостей, которыми полна история партизанской войны во всей Европе. По мнению авторов «Истории второй мировой войны», выпущенной издательством «Илоэц» в Бонне в 1956 г., жестокость немецких войск была лишь ответом на партизанские действия.¹⁴ Вальтер Гёрлиц перекладывает ответственность с больной головы на здоровую, когда в своей книге безапелляционно заявляет, что тот, «кто в оккупированной области развязывает партизанскую войну, морально ответственен не только за террор партизан, но также и за вызванные им ответные карательные меры оккупационной власти».¹⁵ Валдис Ределис, офицер фашистских карательных войск, длительное время участвовавший в операциях против белорусских партизан и, очевидно, достаточно хорошо знающий, что творили на белорусской земле носители «нового порядка», обвиняет руководителей советского партизанского движения в том, что они ответственны «за весь этот ужас и за всю пролитую в борьбе кровь».¹⁶ Не ограничиваясь этим, фашистский каратель осмеливается называть массовые расстрелы и казни десятков и сотен тысяч женщин, детей, стариков, сожжение сел и деревень в окку-

¹³ Г. Д. Комков. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. Вопр. истории, 1965, № 5, стр. 31.

¹⁴ Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Bd. I, S. 48.

¹⁵ W. G ö r l i t z. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 2, S. 60.

¹⁶ W. R e d e l i s. Partisanenkrieg, S. 8.

пированных районах «жестокими, однако допустимыми международным правом контрмерами».¹⁷

Подобных примеров бессовестного извращения истины в книгах западногерманских историков и военных можно привести очень много. Однако иногда авторы их пытаются отмежеваться от обвинения в зверствах и бесчинствах, заявляя, что они были делом рук СД и СС, а гитлеровские солдаты и офицеры вермахта не только не участвовали в карательных мероприятиях, но даже пытались бороться с ними. Немецкий историк Дамс пишет, что «немецкий вермахт мало имел общего со всем этим. Приказ Гитлера о комиссарах был игнорирован, поведение эйнзатцгрупп, когда наблюдали их действия, часто вызывало недовольство».¹⁸ По словам руководителя многочисленных карательных экспедиций против белорусских партизан Готтберга, немецкий солдат сражался согласно традиционным правилам войны и его «чувствительной душе» якобы были противны методы партизанской войны.¹⁹

В попытках извратить истину западногерманские исследователи нередко получают поддержку со стороны своих английских и американских коллег. Известный английский военный историк Фуллер пишет, что «партизаны, а не регулярные войска сделали войну в России, Югославии и повсюду столь жестокой».²⁰ По мнению И. Каменецкого, партизаны сознательно провоцировали немцев на зверства.²¹ Белорусский буржуазный националист Н. Вакар утверждает, что многие уголовники, моральные отбросы общества шли в полицию, организованную немецкими оккупационными властями, по заданию большевиков, чтобы своими зверствами по отношению к населению создать антинемецкое настроение у жителей оккупированных территорий.²²

Очевидная лживость позиции, с которой западногерманские историки и бывшие офицеры гитлеровской армии пытаются оправдать преступления, совершенные фашистскими войсками на территории оккупированных районов СССР, заставляют иногда английских и американских историков осуждать действия захватчиков. По мнению Г. Рейтлинджера, не только СС и СД виновны в зверствах, «именно вермахт и никто иной виновен в избении военнопленных».²³ Александр Верг в новой книге «Россия в войне» пишет: «Зверства, совершенные как против пленных партизан, так и против подозреваемых в сочувствии партизанам крестьян

¹⁷ Там же. стр. 87.

¹⁸ H. Dahms. Der Zweite Weltkrieg, S. 350.

¹⁹ H. Gottberg. Das Wesen. . ., S. 690.

²⁰ J. Fuller. The Second world war, p. 122.

²¹ I. Kamenetsky. Hitler's occupation of Ukraine, p. 68.

²² N. Vakar. Belorussia, p. 180.

²³ G. Reitlinger. The house built on sand, p. 94.

и их семей, должны занимать место среди наихудших зверств, совершенных немцами и их марионетками, а это кое-что да значит».²⁴

Однако такие признания очень редки, и гораздо более типичным для американских и английских историков является следующее высказывание в написанной совместно А. Даллиным, Р. Маврогордато и В. Моллем главе книги «Советские партизаны во второй мировой войне»: «Характерные случаи зверств, совершение которых приписывается немцам, часто использовались как повод для партизанской пропаганды. Такие случаи, если они даже имели фактическое основание, несомненно, изображались в преувеличенном виде, в то время как другие были явно вымышлены».²⁵

Характерно, что даже такие смягченные и завуалированные упреки английских и американских авторов вызывают недовольство у западногерманских защитников гитлеровских методов ведения войны. В рецензии на книгу Ч. Диксона и О. Гейльбрунна, помещенной в журнале «Ост-Европа», подчеркивается, что «авторы, несмотря на честные усилия быть объективными, судят о поведении немцев по образу мыслей Нюрнбергского процесса».²⁶ В журнале военщины ФРГ «Вервиссеншафтliche рундschau» Александра Даллина порицают за то, что он в книге «Немецкое правление в России» осмелился выразить порицание фашистским войскам за их методы борьбы с партизанами, и заявляет, что «нарушение обычаев ведения войны было свойственно только незаконно сражавшимся бандитам и их помощникам».²⁷

Позиция современных защитников фашизма в этом вопросе целиком совпадает с позицией бригаденфюрера СС, пачальника штаба Гимmlера Эрнста Роде на Нюрнбергском процессе: «Жестокость, с которой проводилась русскими партизанами война, имела своим результатом применение Гитлером драконовских мер».²⁸ Однако попытка представить вопрос в извращенном виде, поставить его с ног на голову не может достигнуть успеха.

При изложении вопроса о закономерности партизанской войны западные правоведы любят ссылаться на положение 43-й статьи Гаагской конвенции 1907 г., согласно которой командующий армией в оккупированной стране должен восстановить и обеспечить общественный порядок и безопасность,²⁹ и на то, что партизаны не хотели признавать оккупационной власти. Но какой «порядок» несли народам нашей страны, как и народам других оккупированных стран Европы, фашистские завоеватели, о какой

²⁴ A. Werth. Russia at war, p. 722.

²⁵ Soviet partisans... p. 279.

²⁶ Ost-Europa, 1959, Bd. IX, № 9, S. 582.

²⁷ Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1961, II. 6, S. 361.

²⁸ Нюрнбергский процесс, т. VI. М., 1960, стр. 274.

²⁹ Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции. М., 1942, стр. 14.

«безопасности» для жителей захваченных гитлеровцами территорий может идти речь? Заранее запланированное, систематическое и безжалостное ограбление оккупированных стран, истребление десятков миллионов людей, целых народов — вот тот «порядок» и та «безопасность», которую принесли в нашу страну захватчики.

Гитлеровские войска вели войну, направленную против самого существования «несрийских» наций, причем в ходе этой войны они не соблюдали никаких правил, что неопровержимо доказано на Нюрнбергском процессе. Достаточно поставить вопрос так, чтобы с полным основанием ответить: законным правом советских людей являлось право на сопротивление, право, которым советские люди, и не только они, воспользовались, благодаря чему партизанская война оказалась действенным и грозным средством в борьбе с захватчиками. Поэтому вполне прав французский исследователь Марсель Адлер-Бресс, когда он пишет о западногерманских военных специалистах: «Если национально-освободительная борьба народа против гитлеровской оккупации изображается этими военными специалистами как „незаконная“ и если партизаны квалифицируются как „бандиты“, стоящие „вне закона“, а партизанская армия именуется соединением „бандитских армий“, то тогда, логически, войну, задуманную и развязанную Гитлером, его политику грабежа и захватов следует рассматривать как „справедливую“ и „законную“. Следовательно, война и гитлеровская оккупация оказываются, до некоторой степени, санкционированными, оправданными».³⁰

Порочность методологического подхода буржуазных историков ясно обнаруживается при исследовании одного из наиболее важных вопросов партизанского движения — причин его возникновения. Правильное его разрешение крайне необходимо для понимания сущности всего партизанского движения, и именно в этом вопросе буржуазные историки стремятся всячески извратить истину.

Основной посылкой, используемой ими при изложении хода событий первых месяцев войны, является утверждение о якобы «доброжелательном» отношении советского населения к фашистским войскам. Это клеветническое утверждение встречается как в работе Н. Вакара, так и в книгах И. Каменецкого, Д. Карова. В. Ределис пишет, что немецкие войска «повсюду встречали как освободителей и осыпали настоящим дождем цветов».³¹ По мнению Н. Вакара, среди белорусского народа не было людей, которые считали бы нужным бороться с захватчиками. Все население он подразделяет на четыре группы: 1) меньшинство, настроенное пронемецки, 2) преступники и авантюристы, которые служили

³⁰ M. Adler-Bresse. *Témoignages allemands...*, p. 59.

³¹ W. Redelis. *Partisanenkrieg*, S. 19.

кому угодно за деньги, 3) инертная масса, 4) немногие, считавшие, что нужно использовать немцев против большевиков.³²

Весь этот чудовищный «анализ» Н. Вакара делается только на основании собственных домыслов. Ни одного источника, хоть в малейшей степени подтверждающего его клевету на белорусский народ, у Н. Вакара нет и быть не может. Иепредубежденному человеку хорошо известно, что белорусский народ встретил немецко-фашистские войска партизанской войной и что именно в Белоруссии она приняла наибольший размах.

В книге Д. Карова имеется специальная обширная таблица, должнствующая охарактеризовать отношение жителей различных районов нашей страны, оккупированных немцами, к Советской власти.³³ «Достоверность» приведенных в ней цифр Д. Каров читается доказать ссылкой на труды советских авторов, которые он будто бы использовал при ее составлении. Однако проверка свидетельствует, что почерпнуть «точные» цифры оттуда он не мог. В самом деле, можно ли по материалам книги М. Н. Никитина «Партизанская война в Ленинградской области», изданной в 1943 г. (единственный источник по Ленинградской области, приводимый Д. Каровым), сделать вывод, что в сельской местности Ленинградской области противников Советской власти было 62%, безразличных 24% и противников немцев лишь 14%? Точно так же из книг А. Фадеева, Б. Игнатова, Г. Линькова, И. Козлова и других невозможно почерпнуть приводимые Д. Каровым фальсификаторские цифры об отношении жителей других оккупированных районов к Советской власти.

Американским авторам свойственна некоторая осторожность в оценке настроения жителей оккупированных фашистами районов. Так, А. Даллин, заявляя: «Можно с уверенностью сказать, что отношение населения варьировало от „настороженного выжидания“ (watchful waiting) до обнадеживающего дружелюбия по отношению к новым властям», — тут же замечает, что он не может на этом останавливаться и никаких доказательств в поддержку своей точки зрения не приводит.³⁴ Точно так же Дж. Армстронг в книге «Советские партизаны во второй мировой войне» после безапелляционного заявления об убежденности большей части населения оккупированных властей в слабости советской системы и невозможности ее восстановления пишет, что «нет необходимости останавливаться здесь на определении степени, с какой население приветствовало этот ход событий; несомненно, что большинство готово было молча согласиться с ним».³⁵ Резко противореча самому себе, Дж. Армстронг тут же отмечает, что население помогало

³² N. V a k a r. Belorussia, p. 185.

³³ Д. К а р о в. Партизанское движение в СССР, стр. 12.

³⁴ А. D a l l i n. German rule in Russia, p. 65.

³⁵ Soviet partisans. . . , p. 22.

партизанам и что они никогда не жаловались на недостаток помощников для разведки намерений противника.³⁶

Авторы подобных утверждений не в состоянии привести для их подтверждения каких-либо доказательств, в то время как сама мысль заимствована ими из весьма «авторитетного» и «достоверного» источника — из дневников министра пропаганды гитлеровского рейха Геббельса. Последний 25 апреля 1942 г. записал в дневнике: «Вначале население Украины было вполне склонно смотреть на фюрера как на спасителя Европы и сердечно приветствовало немецкую армию».³⁷ Еще одним «убедительным» доказательством справедливости своего утверждения западные исследователи партизанского движения в СССР считают высказывание фашистского генерала Гудериана в книге «Воспоминания солдата». Эти два «доказательства» якобы «доброжелательного» отношения советских людей к захватчикам кочуют из одной книги в другую, и их можно найти как в книге «Советские партизаны во второй мировой войне», так и в сборнике «Современные партизанские действия» или в работах А. Даллина, Дж. Армстронга, И. Каменецкого, Н. Вакара, Ж. Перре.

Уже тот факт, что для доказательства такого важного тезиса буржуазным историкам приходится прибегать к помощи столь мутного источника как дневник Геббельса, говорит сам за себя, причем делают они это без малейшего сомнения в достоверности измышленного Геббельсом тезиса. Между тем фашистская пропаганда и гораздо позже не стеснялась сообщать, что население оккупированных районов относится к фашистской администрации лояльно, а к партизанам враждебно. Именно это, например, утверждает в «Известиях о войне с бандами» (так гитлеровцы называли партизанскую войну) от 6 июня и 10 сентября 1943 г.,³⁸ т. е. в тот период, когда партизанское движение достигло огромного размера, охватив всю территорию, оккупированную немецко-фашистскими войсками.

Упорство, с которым буржуазные авторы отстаивают тезис о «доброжелательности» советского населения по отношению к немецко-фашистским захватчикам, имеет определенный смысл: они хотят доказать, что советские люди не желали защищать свою Родину в 1941 г. и, очевидно, не будут защищать ее в случае новой войны. Именно на это рассчитывали фашистские руководители, когда, подготавливая нападение на Советский Союз, утверждали, что будет достаточно нескольких недель, чтобы Советское государство перестало существовать. Однако события показали, как жестоко они просчитались.

³⁶ Там же.

³⁷ Цит. по кн.: Ч. Диксон, О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия, стр. 37.

³⁸ Nachrichten über Bandenkrieg, № 2, 6 VI 1943, S. 2; № 4, 10 IX 1943, S. 3.

Оклеветав советский народ, приписав ему отсутствие патриотизма, зарубежные историки вынуждены были, чтобы быть последовательными, отрицать существование партизанского движения в первые месяцы войны или утверждать, что оно было крайне незначительным. Таково мнение ряда авторов работ.³⁹ Советские историки доказали вздорность подобных утверждений. Конечно, в первые месяцы войны, внезапно обрушившейся на нашу страну, партизанское движение не смогло достигнуть сразу того размаха, который характерен для него впоследствии. Не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что в конце 30-х годов не проводилась работа по подготовке кадров и технических средств для ведения партизанской войны. В те годы полагали, что в случае империалистической агрессии против СССР врагу не удастся осуществить вторжение в пределы нашей страны и Красная Армия будет вести войну на территории противника.

Ход войны, развязанной гитлеровской Германией, оказался иным: в 1941—1942 гг. агрессорам удалось захватить значительную часть территории СССР. Создалась тяжелая обстановка, но советские патриоты во главе с коммунистами и комсомольцами с первых же дней начали борьбу с захватчиками.

На территории оккупированных районов Ленинградской области партизанское движение началось в июле—августе 1941 г., а к сентябрю 1941 г. здесь уже сражалось около 400 партизанских отрядов и групп,⁴⁰ в городах и поселках области начали действовать подпольные райкомы партии, руководившие партизанскими отрядами и группами подпольщиков. Несмотря на тяжелые потери, понесенные партизанами и подпольщиками Ленинградской области в первые месяцы войны, движение все время расширялось, и в октябре—ноябре 1941 г. партизаны сумели очистить от оккупантов свыше 300 селений, восстановив органы Советской власти в ряде районов области. Немецко-фашистские войска, начиная с октября 1941 г., были вынуждены предпринимать против партизан крупные карательные экспедиции.⁴¹

В Белоруссии, территория которой к концу августа 1941 г. была полностью оккупирована фашистскими войсками, первые партизанские отряды Т. П. Бумажкова и М. Н. Шмырева начали борьбу уже в июле 1941 г. Тогда же приступил к работе Минский областной подпольный комитет, действовавший в южных районах Минской области.⁴² К началу августа на территории оккупиро-

³⁹ Modern guerilla warfare, p. 10; Soviet partisans... , p. 22. I. Kamenetsky. Hitlers occupation... , p. 67; A. Dallin. German rule in Russia, p. 209; J. P e r r e. Les Mutations de la guerre moderne, p. 252.

⁴⁰ П. Р. Ш е в е р д а л к и н. Народ взялся за оружие. В кн.: Советские партизаны. М., 1963, стр. 27.

⁴¹ Там же, стр. 46—47.

⁴² История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. II. М., 1961, стр. 120, 124.

важных районов Белорусской ССР сражалось с врагом 230 партизанских отрядов и групп. Белорусские партизаны уже в 1941 г. смогли создать на территории Минской и Полесской областей партизанскую зону, восстановив органы Советской власти.⁴³

Украинский народ, вопреки выдумке Геббельса и его нынешних почитателей, встретил захватчиков партизанской войной. Большую роль в организации сопротивления фашистам играли коммунисты Украины. Из 33 тысяч человек, оставленных партийными организациями Украины для борьбы в тылу врага, более 60% составляли коммунисты и комсомольцы.⁴⁴ С самого начала оккупации советские патриоты на Украине организуют саботаж административно-хозяйственных мероприятий фашистов. По всей республике возникали партизанские отряды; лишь в четырех областях Украины — Киевской, Полтавской, Сумской и Черниговской, за сентябрь—октябрь 1941 г. возникло 115 партизанских отрядов, в которых насчитывалось более 3000 человек.⁴⁵

В конце лета и осенью 1941 г. партизаны начали действовать в других областях РСФСР, подвергшихся оккупации немецко-фашистских войск, в Карелии, Молдавии, на юге Украины, в Крыму. Все эти факты, содержащиеся в работах советских исследователей по истории партизанского движения, должны быть хорошо известны буржуазным историкам. Некоторые западногерманские авторы прямо отмечают, что партизанское движение началось уже летом и осенью 1941 г. Так, в «Истории второй мировой войны», изданной в Бонне в 1956 г., говорится о партизанах в России, начавших действия осенью 1941 г. и достигших успехов к зиме.⁴⁶ Транспортный кризис, имевший место на коммуникациях 17-й фашистской армии во время боев за Полтаву, по свидетельству немецкого офицера Германа Теске, ответственного за работу транспорта, имел причиной налеты партизан.⁴⁷

Автор двухтомного труда по истории второй мировой войны Вальтер Герлиц пишет о начале партизанского движения в России: «Уже осенью 1941 г. начались нападения на колонны с подкреплениями, на транспорты с большими и ранеными, на полевые госпитали, на продовольственные команды, начались взрывы на железных дорогах, попытки заминировать пути сообщения, прервать линии связи. . . В Ленинградской области временами партизанская деятельность была такой оживленной, что главно-

⁴³ И. С. Кравченко, А. И. Залесский. Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1959, стр. 44—45.

⁴⁴ П. Трощко. Бессмертие юных. М., 1958, стр. 30—31.

⁴⁵ Л. Н. Бычков. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М., 1965, стр. 69.

⁴⁶ Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Bd. I, S. 36.

⁴⁷ H. Teske. Die Silbernen Spiegel, S. 123.

командующий группой фельдмаршал Лееб был вынужден прекратить свои поездки на фронт».⁴⁸

Наконец, против утверждения об отсутствии партизанского движения в первые месяцы Великой Отечественной войны свидетельствует не кто иной, как генерал фашистской армии Г. Гудериан: «Уже в 1941 г. появились новые трудности, которые поставили командование перед совершенно неизвестными до этого времени проблемами. Растянутый тыловой район с малопроезжими лесами и болотами облегчил русским создание и широкое использование банд, или так называемых партизан. . . Действия этих банд, заключающиеся в нападении на отдельных солдат и в совершении диверсий (взрывы мостов, полотна железных дорог и других важных объектов в нашем тылу), становились все более неприятными и требовали принятия решительных мер».⁴⁹ Но и принятые фашистским командованием «решительные меры» не могли остановить развития партизанской войны в тылу гитлеровских армий летом и осенью 1941 г., и немецкие захватчики, которые при планировании нападения на Советский Союз никак не рассчитывали встретиться с народной войной в тылу собственных армий, вскоре стали кричать о «незаконности» партизанской войны.

«Не заметить» действий советских партизан летом и осенью 1941 г. могут лишь ослепленные антисоветским настроением предатели родины типа Д. Карова, Н. Вакара, И. Каменецкого и их англо-американские коллеги по изучению советского партизанского движения. Впрочем, последние при переходе от ничем не доказанных общих заверений о «доброжелательности» советских людей по отношению к захватчикам и об отсутствии партизанского движения летом и осенью 1941 г. к конкретному рассмотрению развития партизанской войны в различных районах СССР вынуждены исподволь менять свою точку зрения.

Наиболее убедительный пример такой противоречивости можно найти в книге «Советские партизаны во второй мировой войне», написанной группой американских авторов (А. Даллин, Е. Девиэт, Р. Маврогордато, В. Молль и другие под редакцией Дж. Армстронга).⁵⁰ Как выше уже упоминалось, Дж. Армстронг, автор первой главы, утверждает, что вначале большинство советского населения якобы было склонно сотрудничать с фашистскими оккупантами и что партизан не было. К этой мысли он неоднократно возвращается, ничем не доказывая ее. Однако его соавторы, описывая развитие партизанских операций в различных областях СССР, вступают с ним в явное противоречие. Так,

⁴⁸ W. Görlich. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 2, SS. 107—108.

⁴⁹ Г. Гудериан. Опыт войны с Россией. В кн.: Итоги второй мировой войны, стр. 125.

⁵⁰ Эта книга подверглась критике А. А. Курносова, Е. С. Лагутина в журнале «История СССР», 1965, № 4, стр. 173—188.

Г. Вейнберг в главе, посвященной партизанской зоне в районе Ельня—Дорогобуж, на основании немецких документов констатирует, что партизанское движение существовало вокруг Смоленска еще до 2 октября 1941 г., усиливаясь в течение ноября.⁵¹

В. Молль, автор главы о брянских партизанах, сообщает, что первые немецкие сведения о партизанской активности в этом районе появляются уже в октябре и ноябре 1941 г., т. е. сразу же после захвата фашистами территории Брянской области; на протяжении октября 1941 г. в районе Клетни партизаны атаковали 14 немецких грузовиков и машин.⁵² Р. Маврогордато в разделе книги, посвященном белорусским партизанам, цитирует немецкий документ, в котором сообщается, что немецкая пехотная дивизия, предназначенная для прочесывания Полоцко-Витебско-Невельского района, встретилась с «партизанскими районами» уже 20 июля 1941 г.; дороги минировались ежедневно; в районе действия 403-й охранной дивизии в августе 1941 г. насчитывалось несколько тысяч партизан.⁵³

Соавторы Дж. Армстронга многократно используют немецкие документы, свидетельствующие о том, что уже в первые месяцы Великой Отечественной войны оккупационные войска столкнулись с многочисленными партизанскими отрядами и были вынуждены разрабатывать контрпартизанские мероприятия. Среди немецких документов можно отметить такие, как «Опыт построения задач выступления и борьбы с партизанскими отрядами», датированный 15 января 1942 г., или «Доклад об опыте борьбы с партизанами в период с 1 августа по 31 октября 1941 г.», составленный во 2-й танковой армии гитлеровского вермахта.⁵⁴

Несмотря на очень «тщательную» обработку немецких источников, американским авторам не удалось устранить из них свидетельства о том, что сразу же вслед за оккупацией какой-нибудь части советской территории захватчики встречались с партизанами, являвшимися, может быть, и не столь грозным противником, как в 1942—1944 гг., но во всяком случае заставлявшими уделять себе достаточно внимания. К такому же выводу на основании немецких документов приходит и Э. Хауэлл, который пишет, что уже на третий день войны командование группы немецких армий «Центр» сообщало о том, что красноармейцы и партизаны атаковали пути снабжения, приходя в столкновение с частями охранных дивизий. По немецким же документам между 22 июня и 16 сентября 1941 г. было отмечено 250 нарушений железнодорожных путей и 447 взрывов мостов.⁵⁵

⁵¹ Soviet partisans. . . , pp. 403, 410.

⁵² Там же, стр. 461, 500.

⁵³ Там же, стр. 528, 530.

⁵⁴ Там же, стр. 145, 500—501.

⁵⁵ E. M. Howell. The Soviet partisan movement, pp. 43, 50.

Версию об отсутствии партизанского движения в оккупированных областях Советского Союза в первые месяцы Великой Отечественной войны буржуазные историки поддерживают для того, чтобы по мере возможности более логично объяснить возникновение и развитие партизанской войны на территории СССР. Ход их мыслей следующий: советское население было настроено по отношению к оккупантам «доброжелательно», партизанских действий в тылу немецко-фашистских войск не было, возникновение же и развитие партизанской войны большинством буржуазных авторов объясняется жестокой политикой фашистских заправил по отношению к населению и советским военнопленным, «ошибками» немецкой администрации при проведении оккупационных мероприятий; партизанское движение объявляется созданным самими же немцами. Так, например, Н. Вакар пишет, что честь создания партизанского движения следует приписать самим немцам, а В. Якобс в книге «Современное партизанское движение» заявляет: «Партизанское движение не было широко распространенным и не получало активной поддержки, откуда деятельность немецких оккупантов не пришла на помощь осажденным коммунистам в Кремле».⁵⁶

Подобные утверждения можно найти и во многих других работах зарубежных авторов.⁵⁷ Они распространяются на все лады об «ошибках» немецкой администрации, подчеркивая, что только «ошибочная» политика Гитлера и его ближайшего окружения по отношению к советским людям сделала партизанскую войну возможной и успешной. А. Даллин сожалеет, что немецко-фашистские оккупанты в первые месяцы войны не сделали попытки завоевать симпатии населения и пишет о населении Украины, что оно «вполне могло бы действовать сообща с новыми властями».⁵⁸ Представляется, однако, маловероятным, чтобы А. Даллин, считающийся на Западе «знатоком советской действительности», все-таки думал, что можно было, «правильно» руководя советским народом, заставить его участвовать в собственном порабощении и истреблении. В действительности советские люди разгадали цели и намерения гитлеровских захватчиков и оказали им достойный прием.

Сознание того, что причины партизанской войны на советской земле нельзя сводить к «ошибкам» и террору, установленному гитлеровской администрацией, возникло даже и у такого антисоветски настроенного автора, как Дж. Рейтлинджер, который в книге «Дом, построенный на песке» подвергает критике мнение многих авторов о том, что веда себя оккупанты «хорошо» —

⁵⁶ N. V a k a r. Belorussia, p. 192; Modern guerilla warfare, p. 61.

⁵⁷ См., например: A. D a l l i n. German rule in Russia, p. 74; I. K a m e n e t s k y. Hitler's occupation. . ., p. 52; Д. К а р о в. Партизанское движение в СССР, стр. 27; Soviet partisans. . ., p. 321.

⁵⁸ A. D a l l i n. German rule in Russia, pp. 65, 168.

не было бы партизан. «Предполагать, что партизанской войны можно было бы избежать, — пишет он, — нереалистично. Призыв Сталина к патриотической войне был даже не нужен, и в действительности он значил очень мало. . . Если бы даже германская оккупация была монументом либерального поведения, партизанская война все равно существовала бы». ⁵⁹ Правда, Дж. Рейтлинджер причину партизанской войны видит в состоянии анархии, в котором оказались оккупированные территории, однако его высказывание находится в резком противоречии с мнением большинства исследователей советского партизанского движения, постоянно подчеркивающих «ошибочность» поведения гитлеровцев по отношению к советскому населению.

Между тем режим, установленный оккупантами во временно захваченных ими областях Советского Союза, — отнюдь не результат «ошибок» и «просмотров» гитлеровских руководителей, эта была далеко рассчитанная и безжалостная политика, являвшаяся закономерным проявлением человеконенавистнической сущности фашизма. Задолго до начала второй мировой войны Адольф Гитлер в книге «Майн кампф» требовал для немцев завоевания новых земель, в первую очередь тех, которые входили в состав СССР. При подготовке нападения на Советский Союз с целью его уничтожения, при составлении так называемого плана «Барбаросса» гитлеровское правительство предусмотрело детальные мероприятия, предназначенные для расчленения СССР, экономического ограбления, порабощения и систематического уничтожения советских людей.

За три месяца до начала войны, в середине марта 1941 г., верховное главнокомандование вооруженных сил Германии издало директиву об установлении оккупационного режима на территории Советского Союза. Согласно директиве предусматривалась ликвидация Советского государства, вся власть на оккупированной территории передавалась командованию немецкой армии, а рейхсфюрер СС Гиммлер получал задание «для подготовки политического управления», вытекающее «из идеи борьбы двух диаметрально противоположных политических систем». ⁶⁰ На основании этого плана Гиммлер устанавливал жесточайший террор на захваченных территориях. В изданной 2 июня 1941 г. инструкции уполномоченного по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря Бакке гитлеровским чиновникам давалось указание «проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия» без «ложного сочувствия» к советским людям; режим нацистов объявлялся «вечным». ⁶¹

⁵⁹ G. Reitlinger. The house built on sand, pp. 23, 229.

⁶⁰ Преступные цели — преступные средства. М., 1963, стр. 19—20.

⁶¹ Там же, стр. 30—35.

Гитлеровский министр по делам оккупированных восточных областей Альфред Розенберг в речи 20 июня 1941 г., произнесенной им перед избранным кругом фашистских главарей, подробно развил проект разделения территории Советского Союза и грабежа его богатств; захваченные плодородные земли предназначались для снабжения фашистской Германии. Розенберг и не думал скрывать, что фашисты намеревались полностью ликвидировать всякую государственную независимость советского народа.⁶² Так как большинство населения Советского Союза гитлеровцы считали «излишним» для своих целей, то ими заранее, еще до войны, были разработаны планы уничтожения и «онемечивания» советских людей; основной из них — генеральный план «Ост», согласно которому около 31 млн жителей Польши и западных областей СССР следовало выселить с занимаемых ими территорий. «Восточное министерство» А. Розенберга позднее нашло эту цифру недостаточной и предложило увеличить ее до 46—51 млн человек.⁶³

Гитлеровское командование заранее издало ряд директив, предоставлявших оккупационным властям полную свободу в деле уничтожения населения оккупированных территорий. Еще 12 мая 1941 г. была подготовлена директива, согласно которой захваченные в плен комиссары и другие политические военные работники Красной Армии подлежали немедленному расстрелу.⁶⁴ На следующий же день, 13 мая 1941 г., за подписью фельдмаршала Кейтеля появилась директива, предусматривавшая «массовые насильственные меры» по отношению к мирному советскому населению и снимавшая с фашистских солдат всякую ответственность «даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок».⁶⁵

К ограблению захваченных территорий и истреблению мирного населения гитлеровцы приступили немедленно после начала военных действий. Уже в первые дни после занятия какого-нибудь района или города начиналось массовое истребление советских людей. Встретившись с неожиданным сопротивлением, захватчики смогли только еще более усилить репрессии. Один за другим появлялись новые чудовищные приказы и директивы. Здесь можно упомянуть высказывание Гитлера от 16 июля 1941 г., когда в беседе с руководителями фашистского рейха он заявил, что партизанская война предоставляет некоторые преимущества фашистам, так как она дает «возможность истреблять все, что восстает против нас».⁶⁶ Гитлеровские военачальники спешили воплотить в жизнь

⁶² Там же, стр. 41—45.

⁶³ Там же, стр. 67—71.

⁶⁴ Пюрибергский процесс, т. III. М., 1958, стр. 94.

⁶⁵ Преступные цели — преступные средства, стр. 27—29.

⁶⁶ Там же, стр. 50.

указание своего фюрера. Примерами могут быть печально известный приказ Кейтеля от 16 сентября 1941 г., где он заявляет, что «человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев не имеет никакой цены»,⁶⁷ а также «образцовый» приказ командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау от 10 октября 1941 г., которым немецким солдатам предлагалось относиться безжалостно к советским людям.⁶⁸

Приведенные факты (а их можно умножить) неопровержимо свидетельствуют о том, что ни о каких «ошибках» со стороны гитлеровских руководителей не могло быть и речи. Террористический режим, установленный ими в оккупированных районах Советского Союза, являлся прямым следствием фашистской идеологии и входил в программу использования захваченных на востоке земель для немецкой колонизации. Вот почему партизанская война, начавшаяся сразу после прихода оккупантов, вскоре приняла широкий народный характер. Вне всякого сомнения, зверства гитлеровцев вызвали ответную оборонительную реакцию народных масс, но основным и решающим фактом для понимания причин возникновения массового движения сопротивления фашистским захватчикам безусловно следует считать советский патриотизм русских, украинцев, белорусов и людей других национальностей нашей страны, сознание ими необходимости встать за оружие, чтобы защитить свою Родину.

Большое место в работах буржуазных исследователей советского партизанского движения уделяется попыткам фашистского командования применить в борьбе против партизан созданные им антисоветские формирования из военнопленных и жителей оккупированных районов.

Определив отношение советских людей к оккупантам как «доброжелательное», буржуазные историки видят одну из самых крупных ошибок Гитлера в том, что он якобы упустил возможность создания антисоветской армии и при этом указывают на образование так называемой «Русской освободительной армии» — «РОА» — во главе с предателем Родины генералом Власовым. Немецким оккупационным властям удалось с помощью террора, шантажа и провокации организовать некоторое число антисоветских формирований.⁶⁹ Буржуазные авторы, очень скупые на цифры, когда речь идет о количестве участников партизанского движения, чрезвычайно щедры при подсчете общего числа участников антисоветских формирований и определяют его сотнями

⁶⁷ Там же, стр. 82.

⁶⁸ Там же, стр. 66.

⁶⁹ Советский историк Л. И. Бычков безусловно прав, когда он пишет о некоторых причинах, позволивших гитлеровцам создать эти формирования. См.: Л. И. Бычков. Партизанское движение... , стр. 30—31.

тысяч и даже миллионами!⁷⁰ Однако и они не могут скрыть того факта, что моральное состояние участников формирований делало их непригодными для борьбы против партизан. Если гитлеровцам и удавалось иногда путем обмана или угрозы мучительной голодной смерти завербовать некоторую часть советских военнопленных в состав антисоветских формирований, то при первой же представившейся возможности они в значительной части переходили на сторону советских партизан, не желая сражаться за ненавистное им дело.

Во многих работах советских историков и книгах участников партизанской войны приводится большое число примеров того, как партизаны вели пропагандистскую работу по разложению антисоветских формирований. Многие участники этих формирований сочувственно воспринимали обращенные к ним призывы и с оружием в руках переходили на сторону партизан.

Так, когда летом 1943 г. на границах партизанского края в Калининской области появились части «РОА», которым немцы доверяли охрану коммуникаций, партизаны сумели установить связь с некоторыми участниками этих формирований, и уже в августе 1943 г. группа в 46 человек перешла к партизанам, предварительно взорвав несколько складов и автомашины и уничтожив немецких командиров. Всего же к калининским партизанам в 1943—1944 гг. перешло до 2 тысяч полицейских и солдат «РОА».⁷¹

То же самое происходило в Орловской области, где некоторые военные части «РОА» обращали данное им оружие против захватчиков. Так, группа бывших участников «РОА» и полицейских, вступив в ряды дятьковских партизан, лишь за период с 23 июня по 9 сентября 1943 г. пустила под откос три вражеских железнодорожных состава, в то время как другая такая же группа взорвала несколько штабелей со снарядами. Общее число бывших полицейских и солдат «РОА», перешедших на сторону орловских партизан и сражавшихся против немцев, составило около 4 тысяч человек.⁷² По свидетельству командира 5-й бригады ленинградских партизан К. Д. Карицкого, солдаты «РОА» «бежали целыми подразделениями к нам и несли оружие».⁷³

Подобных примеров можно привести значительно больше, хорошо известны они и буржуазным исследователям. В. Гёрлиц, сетуя на «ошибочную» политику Гитлера по отношению к населению оккупированных вермахтом территорий, с сожалением

⁷⁰ I. Kamenetsky. Hitler's occupation. . . , p. 60; Д. Каров. Партизанское движение в СССР, стр. 90; Soviet partisans. . . , p. 146.

⁷¹ Советские партизаны, стр. 105—106.

⁷² Там же, стр. 221.

⁷³ С. Н. Семанов. Воспоминания партизан Ленинградской обл. Военно-истор. журн., 1965, № 1, стр. 120.

пишет о дезертирстве и мятежах, распространившихся среди насильно зачисленных в антисоветские формирования военных, пленных, и не находит для этого факта никакого объяснения, кроме фразы о пресловутой «загадочности русской души». ⁷⁴

Дж. Рейтлинджер свидетельствует, что охранный батальон, составленный немецко-фашистским командованием из русских военнопленных и хорошо снабженный оружием, 17 августа 1943 г. захватил важную железнодорожную станцию и передал ее партизанам; в сентябре 1943 г. было несколько таких случаев. ⁷⁵ Даже авторы антисоветской книги «Советские партизаны во второй мировой войне» вынуждены констатировать, что гитлеровским властям пришлось в октябре 1943 г. перевести «восточные батальоны» на запад. ⁷⁶ Впрочем, и в оккупированных гитлеровцами странах Западной Европы антисоветские формирования оказались крайне ненадежными: многие их участники при первой возможности переходили на сторону борцов Сопротивления в Европе. Так поступили, например, солдаты легиона, составленного из армян-военнопленных. Известны случаи, когда эти «батальоны» сдавались без сопротивления войскам союзников или поднимали восстания против гитлеровцев, подобно грузинскому батальону, размещенному в качестве гарнизона на острове Тессел у берегов Голландии.

Будучи вынужденными признать ненадежность антисоветских формирований, созданных гитлеровцами, буржуазные историки концентрируют свое внимание на «успехах» деятельности таких воинских частей, как бригада Каминского, составленная из уголовников и классово-враждебных советскому строю элементов, или специальное соединение «Граукопф», возглавлявшееся белогвардейским полковником Сахаровым и состоявшее из белогвардейцев-эмигрантов. ⁷⁷ Бригада Каминского пользуется особым уважением у буржуазных авторов, сведения о ней можно найти во многих работах, ⁷⁸ ее «деятельность», выражавшаяся в чудовищных зверствах по отношению к мирному населению и безудержном грабеже, провозглашается исследователями партизанской войны образцовым примером борьбы против партизан.

⁷⁴ W. Görlitz. Der Zweite Weltkrieg, S. 113.

⁷⁵ G. Reitlinger. The house built on sand, p. 344.

⁷⁶ Soviet partisans. . . , p. 238.

⁷⁷ Характерно, что Г. Вейнберг, один из авторов книги «Советские партизаны во второй мировой войне», не колеблется называть результат применения соединения «Граукопф» против дорогобужских партизан в мае 1942 г. «успехом», хотя сам же пишет, что из 350 человек, составлявших этот отряд, после встречи с партизанами осталось только 100 и поставленную фашистским командованием задачу — захват генерала Белова и его штаба — соединение выполнить не смогло (см.: там же, стр. 441—443).

⁷⁸ W. Anders. Hitler's Defeat in Russia, p. 175; H. D a h m s. Der Zweite Weltkrieg, S. 358; Modern guerilla warfare, pp. 104—105; Soviet partisans. . . , p. 336.

Это делается несмотря на то, что даже немецкие власти были вынуждены в конце концов расстрелять Каминского и расформировать его бригаду.⁷⁹ Уже сам тот факт, что для подтверждения своего тезиса о возможности создания антисоветской армии буржуазным историкам приходится ссылаться на кровавые подвиги бригады Каминского и ей подобных, говорит не в их пользу.

Организацию массовой антисоветской армии из жителей оккупированных областей и военнопленных следует отнести к категории несбывшихся мечтаний немецкого командования. Понимание этого редко встречается среди буржуазных авторов. Как исключение можно упомянуть А. Шерера, который в статье, посвященной книге А. Даллина, пишет, что в СССР не образовалось никакого пронацистского правительства, хотя некоторые районы более трех лет были оккупированы немцами. Сравнивая такое положение с Францией, он пишет, что «это тем более удивительно, если вспомнить, с какой легкостью и быстротой во Франции родился режим Виши. Впрочем, отсутствие в СССР „коллаборационистского движения“ — факт, основной по своим последствиям».⁸⁰ Гитлеровским захватчиком просто не на кого было опереться в своих попытках сколотить антисоветские формирования. Подавляющее большинство населения оккупированных фашистскими войсками областей СССР оказалось невосприимчивым к фашистской пропаганде, оно от души ненавидело как оккупантов, так и завербованных ими предателей Родины. Повсеместно население развертывало партизанскую борьбу для того, чтобы помочь Красной Армии и отстоять великие завоевания социализма.

Гитлер и его окружение при подготовке нападения на СССР рассчитывали на непрочность государственного единства Советского Союза, на возникновение противоречий и борьбы между народами нашей страны в случае войны. Желая использовать в своих целях буржуазных эмигрантов-националистов, фашистские руководители в предвоенное время оказывали им существенную поддержку, а после оккупации части советской территории позволили развернуть там оживленную деятельность. На травливая украинцев на русских, белорусов на поляков и т. д., фашистские оккупанты рассчитывали значительно облегчить себе задачу беспрепятственной эксплуатации оккупированной территории. Однако усилия оккупантов не дали ожидаемых результатов, их расчет на распад многонационального Советского государства не оправдался. К тому же в их намерения не входило предоставлять буржуазным националистам полную свободу действий:

⁷⁹ Весьма красочно описывает гитлеровский офицер Г. Теске свою поездку в бригаду Каминского. Перед окнами здания, занимаемого Каминским, висели четыре казненных человека, в том числе начальник его штаба; повешены они были, по словам Каминского, за то, что он перестал им доверять (см.: Н. Теске. Die Silbernen Spiegel, S. 181).

⁸⁰ А. Scherer. Occupation de l'URSS, p. 121.

слуги всегда должны знать свое место. В послевоенное время отношение фашистских руководителей к буржуазным националистам во многих работах по истории войны объявляется одной из «ошибок», за которую западные авторы усиленно порицают Гитлера и его оккупационную политику.

Деятельности националистических групп в оккупированных фашистскими войсками областях и их борьбе с советскими партизанами отводят большое место в своих работах Р. Ильмицкий, И. Каменецкий, Н. Вакар, А. Даллин, Дж. Рейтлинджер и Дж. Армстронг. Однако если все они в целом согласны рассматривать попытки возрождения гитлеровцами националистических групп на Украине, в Белоруссии и других оккупированных территориях Советского Союза как вполне закономерную и естественную линию поведения и порицают Гитлера за «недооценку» буржуазных националистов, то в отношении оценки степени успеха националистов и претензий последних на роль представителей украинского, белорусского или других народов взгляды буржуазных националистов и англо-американских авторов несколько расходятся.

Для первых характерно безудержное хвастовство «успехами» националистических организаций и «размахом» их деятельности, принимающее характер мюнхаузеновских рассказов. Так, в книге «Современные партизанские действия» мы находим утверждение, что украинским националистам 30 июня 1941 г. удалось захватить Львов, а влияние националистических групп распространилось на всю Украину вплоть до Донбасса и Крыма; счет украинских буржуазно-националистических формирований ведется на сотни тысяч человек.⁸¹ Гораздо более умеренны и осторожны в оценке размаха националистической деятельности англо-американские авторы. Вольно или невольно они разоблачают смехотворные заявления буржуазных националистов о якобы «независимой» их политике и собственных целях.

А. Даллин, Дж. Армстронг, Дж. Рейтлинджер приводят многочисленные свидетельства того, как до начала Великой Отечественной войны на немецкие деньги и под руководством немецких офицеров готовились кадры буржуазных националистов, уделяют большое внимание междуусобной грызне в стане националистов. Естественно, что перед лицом таких фактов англо-американские авторы предпочитают не говорить о «независимой» политике националистов, как это делают Н. Вакар, И. Каменецкий, Р. Ильмицкий, а Дж. Армстронг без обиняков заявляет: «Действительная судьба националистической деятельности на Украине тем не менее решалась в Берлине».⁸² Он же весьма красочно описывает, как наемные слуги гитлеровских оккупантов — украинские

⁸¹ Modern guerilla warfare, pp. 114—116.

⁸² J. Armstrong. Ukrainian nationalism, p. 104.

буржуазные националисты — продвигались вслед за немецко-фашистскими войсками, так сказать, в их обозе, по Украине, пытаясь распространить свое влияние и обосноваться в Киеве, Харькове и других захваченных городах УССР.⁸³ Но на советской земле буржуазные националисты не нашли подходящих возможностей для развертывания пропаганды, и это вынуждены признать англо-американские авторы. Дж. Армстронг не без сожаления пишет, что белорусы и украинцы «проявляли очень мало признаков сепаратистского национального самосознания»,⁸⁴ а А. Даллин отмечает, что в Белоруссии сепаратизм нашел лишь «слабый отклик», что на Северном Кавказе немецкие оккупанты не обнаружили «никаких свидетельств трений между русскими и украинцами» и что нигде не было заметно антирусских настроений среди неславянских народностей.⁸⁵ К такому же выводу вынужден прийти по сути дела и Н. Вакар, когда он пишет о неудачной попытке немецких оккупантов организовать в 1944 г. из белорусского населения «самооборону» для борьбы с партизанами. По словам Н. Вакара, большое число мобилизованных белорусов перебежало к партизанам и нет возможности судить, участвовал ли вообще кто-нибудь в военных действиях против партизан.⁸⁶

Советские люди оказались невосприимчивыми к ядовитой пропаганде национализма, пытавшегося пустить корни на территории национальных республик СССР во время оккупации их немецко-фашистскими войсками. Лучшим доказательством этого является участие людей различных национальностей в партизанской войне, давшей пример братской дружбы народов СССР. Из 25 856 орловских партизан русских было 17 493, украинцев — 3999, белорусов — 2570 и людей других национальностей — 1794.⁸⁷ Среди партизан пяти украинских партизанских соединений (Я. И. Мельника, М. И. Наумова, С. А. Ковпака, А. З. Обуха и Сиворонова) сражались люди 19 национальностей, включая украинцев (46% от общего числа), русских (37%), белорусов (6.2%).⁸⁸ Нерушимая дружба народов нашей страны была одним из могучих источников силы и мощи партизанской войны.

Большинство буржуазных авторов, будучи едиными в определении причин, вызвавших партизанскую войну на оккупированных территориях СССР, которыми они считают «ошибки»

⁸³ Там же, стр. 101—129.

⁸⁴ Soviet partisans. . . , p. 42.

⁸⁵ A. Dallin. German rule in Russia, p. 215; Soviet partisans . . . , p. 582.

⁸⁶ N. Vakar. Belorussia, p. 203.

⁸⁷ Н. В. Тропкин. Коммунисты Орловщины в партизанском движении. В кн.: Советские партизаны, стр. 223.

⁸⁸ М. В. Попрощукій. Співдруженість народів СССР у партизанській боротьбі в роки Великої Вітчизняної війни. Українськ. історичн. журн., 1962, № 3, стр. 82.

гитлеровских оккупационных властей, сходятся также и в том, что советское партизанское движение не было массовым народным движением. Эта тенденция обнаруживается как при определении общего числа бойцов партизанского движения, так и при описании характера партизанских действий, морали бойцов, состава партизанских отрядов, отношения населения к партизанам.

Поскольку население относилось к фашистским захватчикам «доброжелательно», как утверждают буржуазные авторы, численность партизанских отрядов и общее количество бойцов по их мнению не могли быть большими. У разных авторов эти цифры определяются по-разному, но неизменно отвергаются данные советских историков партизанского движения как чересчур завышенные и недостоверные.⁸⁰ Так поступает В. Гёрлиц.⁸⁰ Л. Шапиро считает, что партизан было не более 200 тысяч человек и не упускает возможности сказать по поводу этой с потолка взятой цифры, что общее число партизан «было маленьким по сравнению со всем населением оккупированных территорий».⁸¹ Дж. Армстронг склонен соглашаться с немецкими источниками, значительно преуменьшающими общее число партизан.⁸² Для преуменьшения размаха партизанского движения некоторые авторы заявляют, как, например, Д. Каров,⁸³ что оно могло бы быть еще большим, если бы не политика коммунистов. Одновременно встречаются авторы, которые утверждают, что советское движение Сопротивления не имело характера вооруженного народного восстания потому, что, дескать, «народная масса не принимала в нем участия».⁸⁴

На самом же деле партизанская война на оккупированных гитлеровцами территориях областей и республик СССР носила глубоко народный характер. В работах советских историков имеется огромное количество свидетельств массового участия советских людей в освободительной войне против немецко-фашистских войск в Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской и других областях РСФСР, подвергшихся вторжению гитлеровских полчищ, а также в Белоруссии и на Украине.

⁸⁰ Следует отметить, что среди советских авторов не существует единого мнения о количестве бойцов партизанских отрядов. Ю. П. Петров считает, что общее число партизан, с оружием в руках борющихся с врагом, составляло 700 тысяч (см.: *Вопр. истории*, 1958, № 5, стр. 42). В новейших работах (История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. VI, М., 1965, книга Л. Н. Бычкова «Партизанское движение...») нет общего количества партизан, однако приводятся данные по различным республикам и областям СССР, в сумме значительно превосходящие вышеуказанную цифру.

⁸⁰ W. G ö r l i t z. *Der Zweite Weltkrieg*, S. 109.

⁸¹ L. S c h a p i r o. *The Communist Party of the Soviet Union*, N. Y., 1960, p. 499.

⁸² *Soviet partisans*. . . pp. 36—37.

⁸³ Д. К а р о в. *Партизанское движение в СССР*, стр. 109.

⁸⁴ E. M. H o w e l l. *The Soviet partisan movement*, p. 42.

Только на территории РСФСР партизан, с оружием в руках боровшихся против врага, по неполным данным, насчитывалось 260 тысяч, 220 тысяч — на территории Украины и около 374 тысяч — в Белорусской ССР.⁹⁵ Кроме того, сотни тысяч советских людей участвовали в борьбе подпольщиков в городах и поселках, активно саботировали мероприятия фашистских оккупационных властей. Буржуазные исследователи, подчеркивающие якобы «недостаточно массовый» характер партизанского движения в СССР, либо не представляют, либо сознательно искажают ту обстановку фашистского террора, в которой зарождалось советское партизанское движение, когда любому советскому гражданину и его семье грозила мучительная смерть не только за враждебное действие по отношению к немецким офицерам, солдатам и оккупационным чиновникам, но просто за одно слово, пришедшее не по вкусу носителям «нового порядка». В этих условиях каждый человек, бравшийся за оружие, совершал поступок высокого героизма, жертвовал зачастую своей семьей. И таких людей советское партизанское движение знало не десятки, не сотни, не тысячи; многие сотни тысяч бойцов, мужчин и женщин, стариков и подростков, которые участвовали в прямых военных действиях, переносили необыкновенно тяжелые условия партизанской войны, в то время как сотни тысяч других советских людей вели крайне опасную подпольную борьбу в городах, поселках и деревнях.

Народный, массовый характер партизанской войны в СССР примечателен еще и тем, что в большинстве оккупированных немецко-фашистскими войсками областей значительное количество молодых, активных, наиболее подходящих для партизанской войны мужчин и женщин либо ушло в Красную Армию, либо эвакуировалось вместе с заводами, фабриками и другими предприятиями. Зачастую в городах и селах оставались главным образом женщины, старики и дети. Это не могло не сократить резервы партизанского движения. То, что и при подобных условиях партизанские действия достигли огромного размаха, свидетельствует о полной поддержке советскими людьми героических борцов против захватчиков — советских партизан.

Действия партизан охватили огромную территорию; они отвоевывали у захватчиков целые районы с сотнями сел и деревень, а иногда и с городами. На территории Ленинградской, Псковской, Калининской, Смоленской, Орловской и других областей РСФСР, на Украине и в Белоруссии возникали обширные партизанские края и зоны. В Ленинградской области в разное время существовало несколько партизанских краев, первый из которых возник осенью 1941 г. на территории пяти районов и простирался

⁹⁵ Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, т. VI, стр. 255—256.

в длину на 120 и в ширину на 90 км.⁹⁶ Позднее возникли и другие партизанские зоны. К концу 1943 г. партизанская борьба в Ленинградской области приняла характер всенародного вооруженного восстания.

К середине 1942 г. мощные партизанские края возникли в Брянских лесах, где от оккупантов было освобождено около 500 населенных пунктов. В жестоких боях против фашистских захватчиков партизанские соединения сумели отстоять эту территорию до прихода советских войск.⁹⁷ Особенно большую территорию занимали партизанские края и зоны в Белорусской ССР, они существовали здесь дольше, чем в других республиках. Достаточно сказать, что более половины территории Белоруссии к концу 1943 г. контролировалось партизанами.⁹⁸ Размах партизанской войны в Белоруссии вынуждены признать и англо-американские авторы. А. Даллин, характеризуя положение в Белоруссии в сентябре 1943 г., пишет: «Минск становится осажденной крепостью в партизанской стране; только главные артерии коммуникаций с Германией оставались свободными; поставки сельскохозяйственной продукции сократились; атаки и покушения усилились».⁹⁹ Такую же картину рисует Дж. Рейтлинджер: «Действительная территория, которую немцы контролировали, в любой момент была столь мала и степень знакомства с ней гражданских чиновников столь незначительна, что настоящую историю страны при немецкой оккупации следует искать в аналах партизанской войны».¹⁰⁰

Территория партизанских краев и зон на протяжении 1942—1943 гг. все время увеличивалась, становясь оплотом борьбы советских людей в тылу врага. К лету 1943 г. под контролем партизан находилась площадь более 200 тысяч км², равная территории Англии, Дании и Бельгии вместе взятых.¹⁰¹

Свидетельством массовости советского партизанского движения является и участие в нем людей всех социальных слоев нашего народа. Необходимость организации отпора гитлеровским захватчикам в равной мере была ясна как рабочим и крестьянам, так и советской интеллигенции. Согласно анкетам Центрального штаба партизанского движения, рабочих в составе партизанских отрядов на 15 января 1944 г. было около 30,1%, колхозников 40,5%, служащих 29,4%.¹⁰² Руководимые коммунистами и ком-

⁹⁶ А. И. Залесский. В партизанских краях и зонах. М., 1962, стр. 65.

⁹⁷ Там же, стр. 68.

⁹⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. VI, стр. 253.

⁹⁹ A. Dallin. German rule in Russia, pp. 221.

¹⁰⁰ G. Reitlinger. The house built on sand, p. 155.

¹⁰¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. VI, стр. 254.

¹⁰² Там же, стр. 256.

сомольцами, советские люди на оккупированной гитлеровцами территории нашей страны вели поистине героическую борьбу.

Особое внимание западные историки уделяют взаимоотношению партизан с населением, поддержке, получаемой ими у советских людей. По мнению многих из них, поддержка объяснялась террором партизан по отношению к населению. Это клеветническое объяснение, заимствованное¹⁰³ у фашистской пропаганды времен войны, в некоторых работах принимает характер целой теории. В. Андерс, например, пишет, что партизаны сначала не трогали немцев, а главным их занятием было терроризирование населения; затем партизаны стали красть и убивать немецких солдат и чиновников, чтобы вызвать ответные репрессии оккупационных властей.¹⁰³ По мнению авторов книги «Советские партизаны во второй мировой войне», взаимоотношения партизан с населением можно определить как «насильственный брак без надежд на развод, кроме как путем самоубийства», а партизанское движение было «образцом недобровольного движения Сопротивления».¹⁰⁴ Естественно, что, руководствуясь подобными характеристиками советского партизанского движения, буржуазные авторы не устают беспрестанно заявлять о насильственной мобилизации в партизанские отряды, о том, что большинство членов партизанских отрядов было мобилизовано и не бежало из партизанских отрядов только из страха перед командирами.¹⁰⁵

Желание изобразить героических борцов советского партизанского движения как жертв террора коммунистов, поставить под сомнение искренность побуждений советских людей, обосновывается у буржуазных авторов весьма сомнительными источниками. Все, что они в состоянии привести в доказательство насильственного характера участия народных масс в партизанском движении, — заявления немецких чиновников, пытавшихся как-то объяснить стремительный рост партизанского движения и не находивших ничего более умного, чем обвинять партизан в терроре. Выдумка фашистских пропагандистов, однако, не имеет ничего общего с настоящим положением вещей. Сила и неодолимость партизанского движения прежде всего заключалась в его народном происхождении, в активной поддержке партизан народом. Вряд ли есть необходимость доказывать, что насильственно мобилизованные в партизанские отряды люди не могли быть пригодны к партизанской борьбе, они скорее ослабляли бы отряд. На самом же деле партизаны никогда не имели недостатка в добровольцах, желавших принять участие в вооруженной борьбе с захватчиками, и командирам часто приходилось отказывать им в этом из-за нехватки оружия, а поступающие в отряды люди проходили строгий отбор.

¹⁰³ W. Anders. Hitler's defeat in Russia, pp. 212—213.

¹⁰⁴ Soviet partisans. . . , pp. 329, 337.

¹⁰⁵ Там же, стр. 152, 167.

Чрезвычайно показателен пример партизанского соединения «Тринадцати» под командованием С. В. Гришина, которое за период с марта по август 1942 г. выросло с 30 до 663 человек,¹⁰⁶ причем принимали в отряд далеко не всякого; в первую очередь попадал тот, кто уже как-то проявил себя в борьбе с захватчиками. Даже в немецких документах отмечалось, что приток людей в соединение С. В. Гришина был огромен и отряд его рос так стремительно, что не хватало оружия и много раз группы в 200—300 человек передавались партизанами в Красную Армию.¹⁰⁷ Третья бригада ленинградских партизан под командованием А. В. Германа насчитывала к лету 1943 г. более 2000 бойцов; численность партизан могла быть удвоена и утроена, но не было оружия.¹⁰⁸ В советской исторической и мемуарной литературе о партизанской войне имеется огромное количество подобных свидетельств о неисчерпаемых резервах партизан, однако они игнорируются буржуазными исследователями.

Не веря советским источникам, отвергая их под предлогом недостоверности, буржуазные исследователи советского партизанского движения полностью доверяют цифрам и фактам, заимствованным из гитлеровских документов. Без тени сомнения в современных работах цитируются немецкие данные о результатах карательных экспедиций против партизан, во время которых гитлеровские палачи расстреливали тысячи ни в чем не повинных советских граждан, зачисляя их затем в своих донесениях в графу «убитые партизаны» и похваляясь уничтожением десятков тысяч партизан. Так, в книге «Советские партизаны во второй мировой войне» утверждается, что во время карательной операции «Ганновер» против смоленских партизан в мае—июне 1942 г. было убито и взято в плен свыше 10 тысяч, во время карательной операции «Цыганский барон» против брянских партизан в мае—июне 1943 г. — свыше 4 тысяч, а во время операции «Котбус» против партизан Белоруссии — свыше 10 000 партизан.¹⁰⁹ И эти цифры потерь партизан американские историки считают возможным приводить в качестве достоверных, хотя даже гитлеровский генерал-комиссар Белоруссии Кубе выражал сомнения в их правильности и писал о результатах операции «Котбус»: «Если при количестве 4500 убитых врагов на поле боя было подобрано только 492 винтовки, то из самого этого несоответствия совершенно очевидно, что среди этих убитых было множество местных крестьян». Далее Кубе прямо признает, что в числе 5000 человек, расстрелянных за

¹⁰⁶ С. Ф. Руднич. Пепкорешная Смоленская земля. В кн.: Советские партизаны, стр. 158—159.

¹⁰⁷ Nachrichten über Bandenkrieg, № 7, SS. 2—3.

¹⁰⁸ И. П. Швердалкин. Парод взялся за оружие, стр. 62—63.

¹⁰⁹ Soviet partisans..., стр. 445, 509, 538.

принадлежность к партизанам, было очень много женщин и детей.¹¹⁰

Одним из основных вопросов, привлекавших особо пристальное внимание со стороны буржуазных авторов, является вопрос об эффективности советского партизанского движения. Нужно сказать, что полного единогласия в этом вопросе у них нет. Одна группа авторов, в основном западногерманских, склонна признавать с бесконечными оговорками большой размах и эффективность партизанского движения. К этой группе относятся и П. Ваккар, Д. Каров, И. Каменецкий. Для другой группы, в основном английских и американских историков, характерно стремление преуменьшить степень значения массового участия советского населения в сопротивлении фашистским захватчикам, сузить размах партизанской войны, показать ее ограниченность, недостаточность, неэффективность. Наиболее ярко выражена эта тенденция в книге «Советские партизаны во второй мировой войне».

Склонность западногерманских авторов более высоко оценивать успехи, достигнутые партизанами в борьбе с захватчиками, следует объяснять тем, что многие из них имели непосредственную возможность познакомиться с советскими партизанами и впечатления, оставшиеся от этих встреч, не позволяют им относиться к бойцам советского партизанского движения столь пренебрежительно, как делают зачастую англо-американские исследователи. Г. Теске пишет, что «первое сражение, которое проиграл немецкий вермахт во второй мировой войне, было сражение против русских советских партизан зимой 1941—1942 гг. Последовали и дальнейшие поражения в этом виде борьбы».¹¹¹ Гитлеровский каратель Готтберг на основании собственного опыта утверждает, что «партизаны во многом способствовали поражению вермахта на Востоке во второй мировой войне».¹¹² Весьма недвусмысленно и высказывание генерал-полковника Л. Рейдулича, который пишет, что партизанское движение «представляет собой нечто совершенно новое в военном искусстве. По тому колоссальному воздействию, которое оно оказало на фронтовые войска и на проблемы снабжения, работы тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия тотальной войны. Партизанское движение, с годами постепенно усиливавшееся в России, в Польше, на Балканах а также во Франции и Италии, повлияло на характер всей второй мировой войны».¹¹³ Признания видных гитлеровских офицеров весьма показательны как свидетельства непосредственных очевидцев.

¹¹⁰ Нюрнбергский процесс, т. VI, стр. 149.

¹¹¹ H. T e s k e. Über die deutsche Kampfführung gegen russische Partisanen, S. 662.

¹¹² H. G o t t b e r g. Das Wesen. . ., S. 689.

¹¹³ Итоги второй мировой войны, стр. 135.

Но американский историк Дж. Армстронг, рассматривая партизанскую войну как деловое предприятие, приходит к выводу, что вложения в партизанскую войну были большими, чем та прибыль, которую удалось получить. По его мнению, следует считать, «что с узкой точки зрения выигрыша в войне все партизанские достижения были сомнительными».¹¹⁴ После такого вывода, сделанного к тому же на 39-й странице книги, имеющей всего около 800 страниц, остается непонятным, почему Дж. Армстронг и его коллеги не жалели усилий в изучении советского партизанского движения, если его достижения столь ничтожны.¹¹⁵

На самом деле успехи советских партизан в борьбе против гитлеровских захватчиков настолько значительны, что вышеприведенные оценки приходится рассматривать как преднамеренное искажение истины. Советские партизаны сумели внести весьма существенный вклад в общее дело советского народа — разгром фашистской Германии. Во всех сферах своих действий, будь то прямое уничтожение людских и материальных ресурсов противника, отвлечение крупных воинских соединений с фронта, воздействие на коммуникации, срыв экономических планов оккупантов, партизаны достигли весьма крупных успехов.

На территории всех оккупированных областей и республик советские партизаны вели ожесточенные бои, истребляя сотни тысяч солдат и офицеров и уничтожая военную технику гитлеровского вермахта. Они оказывали большую помощь Красной Армии в борьбе с захватчиками тем, что отвлекали с фронта весьма значительные силы. Уже в 1941 г. для действий против партизан в тылу немецко-фашистских войск на Восточном фронте предназначалось девять охранных дивизий.¹¹⁶ Но и этих сил оказалось совершенно недостаточно, так как размах партизанских действий на оккупированной территории далеко превзошел все ожидания гитлеровского верховного командования. Против постоянно возрастающих в числе партизанских отрядов приходилось бросать все новые и новые войска. По свидетельству иностранного источника, осенью 1942 г. против советских партизан сражалось 15 полевых дивизий, 10 охранных дивизий, 27 полицейских полков, 144 полицейских батальона (в это число не включаются антисоветские формирования).¹¹⁷ Для того чтобы осознать значение приведенных цифр, достаточно вспомнить, что все немецко-итальянские войска, сражавшиеся летом 1942 г. в Северной Африке, насчитывали 12 дивизий, т. е. были значи-

¹¹⁴ Soviet partisans. . . , p. 39.

¹¹⁵ Такой же точки зрения на эффективность действий партизан придерживается и Э. Хауэлл, см.: E. M. Howell. The Soviet partisan movements, pp. 204—205.

¹¹⁶ Б. Мюллер-Гиллебрандт. Сухопутная армия Германии, 1933—1945, т. II. М., 1958, стр. 137.

¹¹⁷ The Soviet Army, p. 157.

тельно меньше тех сил, которые гитлеровское командование бросило уже в 1942 г. против советских партизан.

В 1943 г. гитлеровское верховное командование было вынуждено уделять советскому партизанскому движению еще больше внимания: партизанская война повсеместно принимала характер общенародного вооруженного восстания, и оккупационные войска не в состоянии были с ним справиться. Отто Гейльбрунн приводит весьма показательный пример: в Ленинградской области летом 1943 г., по определению самих немцев, действовало от 25 до 30 тысяч советских партизан, им противостояло более 30 тысяч войск группы армий «Норд», «и тем не менее этой пропорции было совершенно недостаточно потому, что это не мешало партизанам делать свое дело».¹¹⁸ По мнению этого же автора, подобное положение характерно в 1943 г. и для тылового района группы армий «Центр», где, по оценке немецкого командования, на 30 июня 1943 г. было 56 тысяч партизан, к сентябрю 1943 г. их число составило приблизительно 75 тысяч. Против этих 75 тысяч партизан гитлеровское командование было вынуждено бросить до 100 тысяч немецких и союзных им войск.¹¹⁹ Картина та же, что и на севере: партизаны связывали силы большие, чем имели сами. Всего же с лета 1942 г. партизаны оттягивали на себя в среднем около 10% всех сухопутных военных сил гитлеровской Германии, сражавшихся на советско-германском фронте.¹²⁰

Несмотря на столь значительное число немецко-фашистских войск, действовавших против партизан, оккупантам не удавалось сколь-нибудь существенно изменить положение, и советские партизанские отряды продолжали наносить удары по тылам гитлеровской армии. Особенно чувствительны для оккупантов были партизанские действия на коммуникациях в тылу гитлеровской армии: опыт партизанской войны показывал, что хорошо подготовленная и осуществленная диверсия на железной дороге давала эффект, больший, чем боевые действия партизан против военных соединений. Широко известны крупнейшие операции советских партизан, проведенные ими на железнодорожных путях — «Рельсовая война» в августе—сентябре 1943 г. и «Концерт» осенью 1943 г. В результате этих операций перевозки противника, по свидетельству самого фашистского командования, сократились на 35—40%.¹²¹ На охрану железнодорожных путей гитлеровцы бросали все больше сил, иногда охрану каждого 100-километрового участка железнодорожных путей несли два полка противника, как было в Ленинградской области летом

¹¹⁸ O. Heilbrunn. The Soviet secret services, p. 95.

¹¹⁹ O. Heilbrunn. Partisan warfare, p. 184.

¹²⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. VI, стр. 281.

¹²¹ Там же, стр. 262.

1943 г.¹²² Однако никакая охрана коммуникаций не могла воспрепятствовать партизанам.

Летом 1944 г. белорусские партизаны нанесли сокрушительный удар по коммуникациям врага, о результатах которого Г. Теске пишет: «В ночь перед общим наступлением русских на участке группы армий „Центр“ в конце июня 1944 г. мощный отвлекающий партизанский налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления».¹²³ По определению И. Г. Старинова, результаты воздействия советских партизан на коммуникации противника могут быть сравнены с эффективностью сбрасывания более 3 млн т авиационных бомб, что в пять раз превышает результаты бомбардировки авиацией англичан и американцев коммуникаций противника и почти десятикратно превышает эффективность воздействия немецкой авиации на железнодорожные пути в тылу советских войск.¹²⁴

Спротивление советских людей гитлеровскому оккупационному режиму, партизанское движение во временно захваченных фашистами районах Советского Союза сыграло определяющую роль в срыве одной из главных задач гитлеровцев — экономического ограбления оккупированных территорий. Этот факт признают и зарубежные авторы. Д. Каров считает, что из плодородных областей Украины оккупанты оказались не в состоянии вывозить продовольствие в намечавшемся количестве.¹²⁵ Дж. Рейтлинджер пишет о том, что немцы не достигли своих целей в экономическом отношении и не смогли поставить с Украины много хлеба, руды, угля.¹²⁶ По мнению А. Даллина, немецкая оккупация в экономическом отношении оказалась полной неудачей.¹²⁷

Наконец, в качестве одного из эффектов партизанской войны следует назвать и то состояние страха, неуверенности, в котором постоянно находились немецко-фашистские солдаты, чиновники оккупационного аппарата и их помощники, — страха перед расправой, не покидавшего их ни днем, ни ночью. Советские партизаны, вне всякого сомнения, были в высшей степени эффективной силой, с полным основанием, по нашему мнению, к ним можно отнести слова французского историка М. Адлер-Бресс: «Партизанская война по количеству вовлеченных сил, по своему размаху, успехам, потерям, нанесенным врагу, по своему деморализующему воздействию на немецких солдат, достигла значения второго фронта».¹²⁸

¹²² Там же.

¹²³ Итоги второй мировой войны, стр. 407.

¹²⁴ Советские партизаны, стр. 734.

¹²⁵ Д. Каров. Партизанское движение в СССР, стр. 68—69.

¹²⁶ G. Reitlinger. The house built on sand, p. 194.

¹²⁷ A. Dallin. German rule in Russia, p. 678.

¹²⁸ M. Adler-Bressé. Témoignages allemands. . . , p. 57.

Героическая борьба советских патриотов на оккупированной гитлеровцами территории явилась одной из самых ярких страниц в истории Великой Отечественной войны. Как бы ни пытались буржуазные историки исказить правду о советском партизанском движении, его возникновении, массовом характере и эффективности, они не в состоянии сделать этого.

Борьба советских партизан в тылу немецко-фашистских войск стала свидетельством глубокой веры советских людей в конечную победу их правого дела, свидетельством того, что героизму, мужеству и стойкости советских людей нет предела. Всенародная партизанская война, не имевшая себе подобных в истории освободительных войн по размаху и массовости, была убедительным доказательством того, что народные массы, воспитанные и руководимые Коммунистической партией Советского Союза, полностью сознавали освободительный характер Великой Отечественной войны и стремились, не щадя жизни, ускорить разгром гитлеровской Германии. Борьба советских патриотов в тылу врага стала одним из важнейших факторов, способствовавших победе.